

«ЧТОБ В КРУГ СОБИРАЛИСЬ ПОЭТЫ!»



* * *

В моём краю в яры вырастают вербы,
А в корни верб – стальные якоря.
В белёных трубах воют злые ветры,
И жизнь хранят сугробы января.
Как ржавый бинт, рывком сорви коросту,
Заройся в снег по локоть – и замри! –
Почувствуешь, как маленький отросток
Толкается в ладошку от земли.
Пускай живет и греется до срока.
Зачем губить зародыш вербы зря?
Его судьба прекрасна и жестока –
Держать корнями в бурю якоря!

* * *

Я с трудом размыкаю капкан немоты,
Не могу докричаться до ровней своих...
А на Красном бугре вырастают кресты
Закадычных друзей — одногодков моих.

Ах, какие все были они пацаны!

Но спились иль погибли в разборке крутой...

Мы – последние дети великой страны.

Это кто там стоит у обрыва с клюкой?

Лейтенанту в походах не жмут сапоги:

Он в боях пол-Кавказа прошёл без дорог

И в Чечне схоронил половину ноги,

Но безногий сапог, как зеницу, берёт...

Я оглох от словесной пальбы и вранья,

От казённых бумаг леденеет висок...

На колхозных полях – караван воронья,

Да седую полынь заметаёт песок.

На лугах у Икрянки растёт лебеда.

На корявых дорогах – удушливый смог...

И опять я шагаю, видать, не туда.

А куда, если ерик совсем пересох?!

Есть примета, что много грибов не к добру:

Будет много гробов и семейных утрат.

...Это кто там стоит на кручёном яру –

Мой двойник, лейтенант или маленький брат?!

* * *

Анатолию Чеснокову

Я в прошлом столетии печь затопил -
Завыла чугунная вьюшка!
Дымком потянуло до самых стропил,
И брагой заполнилась кружка.
А угли с шипеньем стреляли к ногам,
Как брызги ядерной вишневки!
И, босый, молился с похмелья снегам
Кудрявый поэт из Теньковки.
Замерзнешь, дружище! Ступай-ка ты в дом,
Согрей свою душу и тело...
Опять по России раздор и содом,
И тьма беснянт налетела. Но рано нам мерить терновый венок,
Обжегшись о холодность мира:
За нами – Россия! Языков и Блок,
И Пушкина звонкая лира!
Подкинем поленьев, чтоб дым к небесам,
Чтоб в стужу запели капли!
А утром поклонимся древним местам,
Где вечнозелёные ели.
А самая старшая память хранит
О встрече друзей достоверно.
...Истлеют дискетки и рухнет гранит,
Одно только Слово – бессмертно!
Ты слышишь, дружище, певучую речь?
Не все еще песни допеты!
Кудрявый потомок затопит нам печь,
Чтоб в круг собирались поэты!

* * *

Александр Дашко

Я наелся ягод волчьих.
Стал, как волк, матёр.
Посреди заветных строчек
Запалил костёр.
Здравствуй, Волга, бакен-пеленг,
И столетний вяз,
С камышом в кувшинках ерик!..
Я сегодня – ваш!
Там, где был я, мир порочен,
Город – нелюдим.
Кто-то плачет, кто хохочет,
Кто-то пьяный в дым.
Кто обрывом, там, где омут,
Два шага – и вниз...
Не рассказывай другому
Про такую жизнь! Про утраченную нежность
К деревьям и псам,
Как бродил я, безутешен,
По глухим лесам.
Как зверел в плену бессонниц,
Как, бывало, пил...
Не предал друзей и совесть,
И кого любил!
А вот к небу был причастен:
Я – рыбацкий внук,
Заселял, как Бог, – Прикаспий
Малышней белуг!
В ПВО, на дальней «точке»,
Был судьбой храним.
...Я хочу не ягод волчьих –
Горсточку рябин!

НОСТАЛЬГИЯ

Это осень, мама, осень.
Иней на листве.
И роятся мысли-осы
В буйной голове.
Облетает рыжий волос –
Плата за стихи.
И, как будто раскололось,
Сердце от тоски.
Вспоминаю Волгу, вербы,
Первые слова...
Как давно я дома не был,
Не колол дрова!
Сор в глаза и драйв по нервам!..
Но назло врагам
Остаюсь, как бакен, верным
Здесьним берегам!
Здесь – цветы живые в банке –
Память о сестре.
Я поправлю фото в рамке
На седом бугре...
А года бегут, как поезд,
И резвей коня!
Но чиста душа и совесть
В чёрной злобе дня.
Здесь – печаль моя и радость,
Горе от ума,
И любовь с горчинкой малость,
Посох да сума.
Сколько я сапог протопал
Пешим по Руси!
Жди меня, дружище-тополь,
Вишня, не грусти!
Завтра к отчему порогу
Выйду на заре.
...По утрам знобит немного –
Осень на дворе.

* * *

* * *

От рожденья до вечности
Только Родины свет!
Вновь за окнами плещется
Волга в сизый рассвет.
И туман над осокою
Вяжет млечный узор...
Мне бы кречетом-соколом
На отеческий двор!
Там под шиферной крышею
Распевает скворец.
Под раскидистой вишнею
Вяжет снасти отец.
Там у мостика с яликом
Рай для жёлтых утят,
Пахнет морем и яблоком,
И золою утрат.
Там под сливой на лавочке
Я девчат целовал!
Мама, милая мамочка,
Ставь скорей самовар.
Мы нащёлкаем чурочек,
Чтобы круче был чай,
Прибауткою-шуточкой
Всю разгоним печаль.
По обычаю веником
Подметём у ворот.
Над Икрянкою-ериком
Красно солнце замрёт.
И, подковами цокая,
Конь взлетит на бугор!
...Мне бы кречетом-соколом
На отеческий двор!

* * *

В ИКРЯНОМ

Отечества и дым

Нам сладок и приятен!

Гавриил Державин

Вот опять я босой, без рубашки и кепки,
В жаркий полдень стою на пригорке крутом,
Где мои православные русые предки
Всей артелью над Волгой поставили дом.
Стал посёлок намного уютней и краше!
И, как век, опалённый тугим кумачом,
Обложился по самые древние крыши
Красно-бурым и белым кой-где кирпичом.
На высоких верандах – корзины черешен.
Не в печах, а в духовках пекут пироги.
Красотища кругом! Да не видно скворечен,
И беднее уловы из вечной реки...
Отступает вода. Дальний берег всё ближе.
Все слышней над ракитником гомон грачат!
А над жёлтым песком головёнки мальчишек,
Точно крепкие шляпки опёнков торчат!
Зной густеет, как сок передавленной сливы.
Выгорает трава вдоль седых берегов...
По горячей тропе я спускаюсь к заливу,
В голубую прохладу, как в толщу веков.
Все печали мои, как рукою снимает,
Утишается боль, отступает беда!
Кто сказал, что живую вода не бывает?
В речках детства осталась живая вода!
Я наплаваюсь всласть и взойду на пригорок
Просветлённым душой и таким молодым!
... Дым Отечества сладок, приятен и горек.
Только где он, Отечества сладостный дым?
По-над Волгой туман. Красный бакен мигает
Догорающим углем в древесной золе...
Клён печально шумит – клён меня понимает,
Прикипая корнями к родимой земле.

* * *

ПРИМЕТА

Когда под моряной пружинили ветки,
И волны качали изменчивый мир,
Я бросил на стрежень три звонких монетки,
Чтоб снова вернуться к реке Бахтемир.
Чтоб снова увидеть морские разливы,
По берегу детства пройтись босиком...
Услышать, как в сумерках падают сливы,
И гуси на Каспий летят косяком.
Чтоб вспомнить друзей закадычных ватагу,
Футбольные страсти и знойную тишь...
Но там, где купал я гнедую конягу,
В протоке шумит шлопутный камыш.
Белёдые чайки похожи на плавки,
Рыбацкие шлюпки гребут по волнам.
И вечный трудяга – знакомый мой бакен,
Рисует фарватер гудящим судам.
Я помню: под вѣтлами дымно и жарко,
Мы смолим бударку с умелым отцом.
...Где вѣтлы и добрая наша бударка?
Спилили тутник у ворот, за крыльцом...
Под ним мы в обнимку с девчонкой сидели,
Всѐ было впервые и сложно у нас.
И сердце стучало на самом пределе,
Как севший на мель одинокий баркас.
...Гуляет моряна, и сушатся сетки.
И чалится к пирсу могучий паром.
А я уезжаю. Бросаю монетки...
И белая лебедь мне машет крылом!

* * *

ПЕРВОКЛАССНИЦА

Мама мыла раму.

Из «Букваря»

Над городом курлычат журавли,
Как будто им пространства мало!
А первоклашки смотрят в «Буквари»
И по слогам читают: «Ма-ма».
О, сколько им явлений суждено
Открыть за школьную программу!
...Осенний дождик тренькает в окно,
А Маша снова моет раму.
И сиротливо смотрят из угла
Забывший мяч и кукла Барби.
А школьница вертлява, как юла,
Косички прыгают по парте.
Сосед за бантик дернул не со зла
В порыве детского азарта...
Девчонка неуклюжа и мала,
Но расцветёт ещё внезапно!
Семь раз с деревьев облетит листва
И возвратится вновь на ветви,
Когда мальчишка вымолвит слова,
Которых чище нет на свете!
Отведает печалей сентября
И горечь школьного романа...
И всё опять начнется с «Букваря»,
Где по слогам читают: «Ма-ма!»

ПОРТРЕТ

Было молодо-зелено,
А теперь уже – дед!
И смотрю я растеряно
На знакомый портрет.
Всё я знаю до чёрточки
От прыщей до усов...
Осень веет из форточки
Желтизною лесов.
Облаками припудренный
Догорает восток.
Мне и сладко, и муторно!
Время гладит висок...
А на карточке матовой
Мне четырнадцать лет.
Я такой невнимательный,
Озорник и... поэт!
Там любовь моя первая,
Стук в окно и сирень...
Но смотрю я уверенно –
Брюки-клёш и... ремень!
С калмычатами лазаю
В сад, где горький ранет.
Там – Европа и Азия,
А Америки – нет!
Голос времени слушаю,
Ко всему я привык...
- Наша Родина – лучшая!-
Внучка мне говорит.
С ней я в полном согласии,
Но ворчу, как сверчок...
Замечаю на лацкане
Комсомольский значок!
К чёрту, сивую бороду,
Не желаю стареть!
И смотрю я по-доброму
На знакомый портрет.

Начинается год високосный
С лютой стужи и горьких утрат.
На холме коченеющем сосны
В карауле почётном стоят.
Шебаршит в опереньях смолистых,
Как слеза, замерзающий сок.
Индевеющий снег с обелисков
Налипает свинцом на висок.
Что же делать, мой пламенный лирик?
Сколько было бессрочных разлук!
Может, скоро и мне панегирик
Пропоёт мой испытанный друг.
Все мы смертны: дурак или гений.
К неизбежному душу готовь!
Грех зачатья и мрак заблуждений
На земле искупает любовь.
Я любил! И юнцом безмятежным
Всласть напился медовых отрав.
...Кто там бродит над холмиком снежным
За калёным железом оград?
Я почти кришнаид или мистик,
Хоть крещёный в купели, кажись...
Верю в логику нажитых истин
И чуть-чуть в запредельную жизнь.
В мир пернатых, зверей и растений
Все уходим в назначенный срок.
Может быть, я былинкой весенней
Прорасту на скрещенье дорог.
Поклонюсь я Наталье прекрасной:
И в астрале мне станут милей
Две дочурки – два солнышка ясных –
Продолженье кровинки моей!

* * *

ЯНВАРСКИЕ НОЧИ

Январские ночи студены и долги.
Луна налипает на стёкла фрамуги,
И сыплется хвоя с божественной ёлки,
Как будто заколки с причёски подруги.
И тикают ходики возле гардины,
И капает ямбом вода из-под крана,
Как звонкая рифма великой Марины –
Слегка приглушённо, морозно и странно.
Воркует голубкой вода в батарее.
Тепло и уютно. Все в доме уснули.
Янтарною каплей густой акварели
Мерцает нарядное платье на стуле.
Но дышат соблазном другие картины,
Старинные вальсы, бенгальские свечи,
И вкуса прогорклой осенней калины
Открытые томно роскошные плечи!
Все было и будет прекрасно и мудро:
И ёлки, и вальсы, и шорохи снега!
Январь истекает. За окнами утро.
И длится любовь до скончания века.

* * *

Опять осенняя хандра...

Опять осенняя хандра,
Туман безденежья...
И небо пасмурно с утра –
Куда тут денешься?
Сидишь в потёмках, как в кино,
Сердечко мается.
А мне бы солнышка в окно,
Хоть самой малости!
Дождинки тренькают в стекло
Гитарным тремоло.
Уже с карниза натекло –
Но это временно.
Тускнеют краски октября,
Деревья в инее.
И дышит лист календаря
Погодкой зимнею. Суровой стужею – январь,
Февраль – метелицей...
Хандра, безденежье, печаль, –
Всё перемелится.
Ударит первая гроза,
Взойдут подснежники.
И я взгляну в твои глаза,
Такие нежные!
Растопит холодок в крови
Лучами вешними.
И губы влажные твои
Запахнут вишнями!

* * *

ОСЕННЯЯ БЕССОННИЦА

Не любви я, а бессонницы
В эту осень достоин.
От луны светлеет в горнице,
Пахнет кофе и покоем.
Одиночеством и вечностью,
Вперемешку с алкоголем...
Мы с компьютером доверчиво
До рассвета поглаголим.
Здравствуй, сущность виртуальная,
Где себя я значу Богом!
Наберу с тоской: «Икряное» –
И повеет в полночь Волгой.
Захочу – добавлю снежности,
Запущу в котика лимоном!
...Не хватает женской нежности
В этом сумраке лиловом.
Но, когда я трону клавиши,
Словно струны с перебором,
На дисплее вдруг покажется
Та, которой очарован.
Я зову её отчаяно!
Жаль, что это виртуальность...
Наши кольца обручальные
Отзвенели в прошлый август.
Не любви я, а бессонницы
В эту осень достоин.
Только ночь – моя сторонница,
Только ночью я свободен.

* * *

«Ты меня никогда не забудешь...»

Андрей Вознесенский

Ты меня никогда не любила.
Намекала: «Потом полюблю!»
И, когда угасало Светило,
Снизошла на погибель мою.
А глазищи — зелёного цвета,
Плечи — зной астраханского дня...
Берегиня, - почти не одета, -
Ты зачем искушала меня?
Обо всём мы друг другу сказали
Накануне греха и мечты.
Так зачем ты, как ведьма босая,
Наводила обратно мосты?
А потом, когда звёзды мигали,
И краснела на небе луна,
Ты зачем утопила в бокале
Обручальные кольца до дна?
А, когда на старинном серванте
Отсчитала кукушка года,
Ты зачем упорхнула из платья
Из последних одежд, без стыда?
«Ничего не рассказывай маме», -
Ты шептала, обычай храня...
Но зачем растворилась в тумане
На крылечке, целуя меня?!

* * *

Я по тебе скучаю,
Как смычок по скерцо.
Паучок печали
Заползает в сердце.
Стали дни тоскливы
И бессонны ночи...
И горчит калиной
Золотая осень.
Больше не услышу:
«Милый мой... Хороший!»
Больше не увижу
Сарафан в горошек,
Очи-ежевички, –
Аж, ползут мурашки! –
Солнечные блики
В озорных кудряшках.
Опадают листья
В ледяную заводь...
Я твои сжёг письма.
А куда деть память?!

* * *

НАТАШЕ

Пожинаю, что посеял:
Лишь бессонницу да песни.
Закружил норд-вест осенний
И принёс худые вести.
Мама пишет, что болеет,
И неладно с младшим братом.
...За окном проспект темнеет,
Пахнет хвоей и асфальтом.
Город спит, умытый ливнем,
От луны на лужах глянец.
Я один, как белый филин,
Со словами ночью маюсь.
Ноутбук погас, мигая,
Затерялась где-то флешка...
У меня судьба такая:
То орлом парит, то решка.
Седину твою заметил.
Это мне намёк на старость.
Сколько лет с тобою вместе,
Как бы заново рождаюсь?!
Славно пелось нам вначале.
И не хмурь напрасно брови! –
Я все беды и печали
Врачевал твоей любовью.
Отзвенело в сотах лето,
Мёд горчит и вяжет малость...
Пусть все песни канут в Лету,
Я навек с тобой останусь!

* * *

Уже пора задуматься о Боге,
Когда друзья уходят в небеса...
В часы печали, гнева и тревоги,
Я узнаю родные голоса.
Я вспоминаю дружеские встречи
И наше пребыванье на земле!
Симбирск, Свягу и костёр у речки,
Картошку испечённую в золе...
Мозоли первые, застольные аккорды
И «красное» число календаря,
Где паруса, как листья, были стёрты
Холодными штормами ноября.
Судьба сплела в клубок противоречий
Безденежье и золото на крови,
Седой Кавказ и доблестные речи
О Родине, о славе, о любви!
Стучалась стройка в купол небосвода,
А в деревнях всходила лебеда.
Высоцкий пел – кумир всего народа,
И лозунг звал куда-то не туда...
А я в огромном неуютном мире
Хранил очаг и детское «а-гу!»,
Читал стихи в прокуренном трактире
О яблонях на волжском берегу.
Я был, как Маугли, в чужой эпохе,
Как белый лебедь рвался в небеса...
Уже пора задуматься о Боге:
Зовут в свой круг родные голоса.

ВОРОБЕЙ

Я когда-нибудь стану растением,
Перейду в шелестенье страниц.
Приходи ко мне в полдень весенний,
С молодым топольком обнимись!
И почувствуй, как бродит по порам
В ритме пульса живительный сок.
Рвутся почки, и слышится шорох,
Нарожденных до времени строк.
В прошлой жизни я был человеком,
Не имевшим доходных рублей.
На моих перепутанных ветках
Поселился смешной воробей.
Все чирикает: зной или дождик.
Даже вьюга ему нипочём!
Может быть, он опальный художник
С городских позабытых трущоб?
Я поэт, не поладивший с веком,
И отнюдь не плебейских кровей.
В прошлой жизни я был человеком.
Почирикаем, брат-воробей?

* * *

ПОД ЗНАКОМ ВОДОЛЕЯ

За окошком метель, как молочная пенка,
Накрывает кварталы, дороги и лес.
И луна, как забытая Богом копейка,
Одиноко мерцает в копилке небес.
Ветер ломится в щель задубевшей фрамуги
И скулит, как щенок, потерявший сосок...
Я – февральский, дитя непогоды и вьюги!
Вечный снег налипает свинцом на висок.
Что же делать? Бессмертья не будет – вы бросьте!
Но останется лунный и солнечный след...
Вот февраль, куржавелый, пожаловал в гости,
Чтоб напомнить, зачем я родился на свет.
Зимородок судьбы, я не рвался в герои,
Рифмой тронул всего лишь с десяток сердец...
А Россию люблю я до капельки крови,
Как в боях до Берлина дошедший отец.
В журавлином строю хватит места солдатам.
Беловежский разлом зарастает травой...
Но смертельную боль от сапёрной лопаты
Чую я поседевшей своей головой!
Будто кони летят, окаянные годы,
Ложь ликует, и рвётся убойно тротил...
И шатается твердь, и волнуются воды,
Третий Ангел над миром уже вострубил!
Перед вечным забвеньем, на краешке века,
Я покаюсь во всех поднебесных грехах...
И Господь изречёт: «Возлюби человека!
Остальное – тщета или пепел и прах».
И, когда я уйду – белый свет не померкнет! –
Крест дубовый мой путь увенчает земной...
Кто я есть и кем был на земле своих предков?
Да пребудет земля эта вечно со мной!

* * *

РУССКИЕ ПОЭТЫ

Баню натопил стихами...

Павел Радочинский

Не топите баньку горькими стихами:
Рукописи, знаю, не сгорят дотла...
Помню, как на зорьке вместе с петухами
В мокром палисаднике вишня расцвела!
Мы с тобою русские, а не самураи.
Не бросайте рифмы в топку для огня!
Нас не развращали в глянцевом журнале –
Веником берёзовым парила родня!
Угли воронные тлеют в поддувале,
В ковшике на донышке греется луна...
Сторона родимая! Сколько повидали!
А стихи крамольные – горе от ума.
Плещутся метафоры в медном самоваре,
В мокром палисаднике вишня расцвела...
Ах, какие барышни здесь нас целовали!
Мы поэты русские – вот и все дела.

* * *